

О ПРИРОДЕ КРАЯ

Лет десять жил в Сергиевом Посаде Михаил Пришвин. Можно подумать: ну уж он-то сколько, наверное, написал о природе края! Но нет ... Уезжал писатель на Дальний Восток, в Среднюю Азию, к Белому морю, сделал там массу зарисовок природы. А об окрестностях Посада трудно выделить что-то конкретное. Почти нет примет того, что называют гением места. Встречаются описания природы в охотничьих рассказах, в дневниках. Но это могло бы быть написано о любой местности в средней полосе России. Разве только северной части района повезло больше – там Пришвин охотился. Так что приведем слова писателя бесхитростного, но искренне любившего окрестности Сергиева Посада.

Сергей Волков

Несколько лет назад были изданы посмертно воспоминания и дневники Сергея Александровича Волкова (1899–1965), который много лет преподавал в Сергиевом Посаде литературу и русский язык и писал стихи в стол. Он приехал впервые в город зимой 1908 года. Было ему девять лет. Потом были годы учения в гимназии, в Московской духовной академии, кончить ее не пришлось – Академию вскоре после революции закрыли. Дневниковые записи Волкова полны упоминаниями о голоде и холоде, о дырявых калошах, коптилке, заплатанном пальто. Но этот человек даже в тех труднейших условиях замечал красоту природы, сетовал на то, что «подавляющее большинство не только не любит и не понимает красоты, а сознательно стремится истребить ее или ослабить привнесением всяческого ненужного безобразия, которое не оправдывается ни удобствами, ни необходимостью». В записях Волкова видно, как менялся в эти тяжелые годы сам облик города. Особенное огорчение доставляло ему исчезновение садов. Началось оно, конечно, еще до войны. Автор помнил, какими были сады его детства, порой они были похожи на настоящие джунгли. Он вспоминал: «Я был в восторге

от нашего дома на Болотной улице – с маленькой зальцей, столовой и совсем маленькими спальнями. Располагаясь в новой комнате, я вместе с мамой раскладывал свои вещи в маленьком шкафчике, потом катался на лыжах в саду, копался в снегу на дворе, играл с собакой Шариком...

Помню свое первое впечатление от Лавры. Величественные стены, башни, колокольня и соборы потрясли меня. Я увидел их в солнечный морозный день сквозь сетку опущенных инеем деревьев. В памяти осталась красочная яркость монастырских зданий, блистание золотых куполов и крестов в серебряном венке заиндевелых ветвей на фоне золотого неба ... Понравился мне и сам Посад с маленькими пестрыми домиками, весь в садах с заиндевелыми деревьями, с волнистыми, кудрявыми столбами дыма из труб, с красочными, обитыми бархатом санями парных извозчиков, с оживленным, как мне казалось тогда, движением на улицах. Все это, как я сейчас вижу, очень походило на картину Кустодиева "Зима в провинции"»

Первое знакомство с окрестностями города, новые друзья. И сады, сады...

«На Вознесенской улице, где теперь школа № 6, стояли два ветхих и заколоченных домика. Много лет в них никто не жил. Любопытство толкнуло нас пробраться туда. Сад нашего товарища, сына священника Вознесенской церкви Н. Соколова, соприкасался с садом, окружавшим эти дома. Однажды мы незаметно туда перелезли и оказались в старом запущенном и заросшем саду. Огромные вековые дубы, липы и клены, густые кусты, высокая трава, лопухи и крапива делали этот сад похожим на зачарованный лес. Мы с наслаждением пробирались сквозь эту чащу, воображая себя чуть ли не в джунглях.

Вскоре эти дома сломали, большую часть сада вырубili, и новый владелец начал строиться.

Как жаль мне сейчас этого сада! Он был так густ, так красив, несмотря на свое одичание. В настоящее время (1930-е годы. – Т.С.) сравниться с ним может разве только сад Машинского по Кооперативной улице – бывшем

Машинском переулке, в доме которого в первые годы после революции помещался Институт народного образования, ставший позднее Педагогическим техникумом.

Недурен сад у Шафрановых на Первомайской улице, у Александровой – в самом конце Вальной улицы, но они не идут ни в какое сравнение с этими садами: не у них той мощи зелени, вековых деревьев и прямо-таки лесного вида...

Много садов в Сергиевом Посаде погибло за голодные и холодные 1918–1921 годы. Так был вырублен в значительной своей части и сад священника Соколова, где было также густо, где были дивные липовые аллеи, а про некоторые деревья, особенно мощные и старые, сам хозяин говорил, что они, пожалуй, могут быть современниками Сергия Радонежского.

Но все эти сады погибли, а остальные погибают в наше время, как в силу нужды, так и по неразумию. В академическом саду в Лавре недавно срубили несколько больших деревьев, “мешавших”, якобы, электропроводке, а на днях (20.7.32) срубили прекрасный клен около бывшей Трапезной церкви, где теперь находится краеведческий музей. Очевидно, этот клен тоже как-нибудь “помешал” заведующей музеем Лукьянской. Да что говорить: за все 14 лет революции в Лавре не посадили ни одного деревца! Старые деревья не долговечны, и может получиться, что прекрасный архитектурный пейзаж Лавры будет полностью обезображен отсутствием зелени. Но когда начинаешь об этом говорить, то местная власть удивляется и с насмешкой пожимает плечами: “Вот чужак! Да Вам-то какое дело до этого? Ну и пусть рубят. Вам-то что за печаль? Ведь не Ваше это все...”».

Перед войной Волков некоторое время работал в музее. Вот каким он запомнил в ту пору облик Лавры: «В 1941 году, когда я пришел работать в Загорский историко-художественный музей, Лавра уже сильно обветшала. ... Потускнели золотые купола, дожди смывали окраску зданий, осыпались карнизы, растрескивались стены и даже фундаменты, отваливались лепные

украшения, разрушено было почти все “гульбище” Трапезной церкви с его балюстрадой... Чтобы хотя бы частично починить фундамент колокольни, администрация музея сняла с могил вокруг Трапезной почти все надгробия. Их обтесывали в плиты, которыми латали обветшавший, осыпающийся фундамент...

Большая часть деревьев засохла, в том числе четыре больших кедра и два вековых вяза в академическом саду. Часть – вымерзла, но спилили много и вполне здоровых деревьев, поскольку, по мнению высокообразованных и чутких к красоте сотрудников музея, они мешали “эстетическому восприятию памятников архитектуры”».

Немало в воспоминаниях Волкова и записей о прогулках в окрестностях города. Вот как он рассказывает о лете 1933 года, которое он провел со своим младшим товарищем Валентином. «Одной из сил, сблизивших нас, была природа. Мы оба страстно любили лес ... Мы уходили километров за 10 от Загорска, чаще всего в сторону Царьградского оврага. Там было глухо и таинственно. Длинный овраг тянулся извилинами. На дне песок, камни. По краям обрывы, то мрачные с темными вымытыми углублениями, запутанными свисающими корнями деревьев, то отлогие, сверкающие ярко-желтым, а иногда белым песком с большим количеством слюды. То и дело огромные деревья, упавшие во время гроз или весеннего половодья, преграждали путь. Кругом – ни человеческого голоса. Только свисты птиц и жужжанье пчел и мух. Мы чувствовали себя совсем отрезанными от цивилизованного мира, и это доставляло огромную радость...

Как хорошо я помню эти светлые дни. Мы выходили часов в 7–8 утра, а возвращались часто к 10 вечера. Немного белого и черного хлеба, иногда дешевый сыр – вот спартанская пища, которую мы захватывали с собой. Воду пили из речки. И чувствовали себя бодрыми и здоровыми. По дороге к оврагу делали привал у назарьевской речки, где купались, а потом, после Назарьева, подходили к которой мы оврагами, окутанными волшебной

синеватой дымкой, мы вступали в густые дубовые рощи, которые перемежались кленовыми зарослями. Затем начинался огромный хвойный лес с просеками и вырубками, где было много земляники, и приближались к заветному спуску в овраг.

Было во всем что-то таинственное – и тишина в сверкании солнечного дня, и безлюдье полное кругом, и следы зверей на песке (а один раз мы видели даже молодого волчонка, который испуганно убежал при нашем появлении), и, наконец, различные геологические и притом редкостные отложения, в которых Валентин уже умел разбираться и растолковывал их мне. Над головами – шум леса, шорохи, шелесты густой высокой травы по склонам. Огромные, почти в человеческий рост колокольчики с крупными голубыми цветами; малина, которую, видно, там никто не собирал»...

«Красива местность за Черниговским скитом. Лиственный лес перемежается густыми еловыми чащами, где постоянный сумрак и прохлада даже в самые знойные дни. Кое-где встречаются вырубки, заросшие кустарником. Всюду краснеет цветущий “иванов чай”. Среди леса то и дело попадаются большие поляны, окаймленные ольховыми кустами. Как все это дивно и сладко для сердца, любящего нашу русскую природу! Высоко, высоко поднимаются над всем лесом отдельные огромные сосны. Их красноватые стволы, прямые, как свечи, с пышными темно-зелеными вершинами красиво выделяются на фоне глубокого ясного неба. Пряно пахнет подсыхающее сено. Несчетными голосами гудят, свистят мухи, пчелы, кузнечики. Приятно лежать в тени куста, поворошив сено, и глядеть, как к полудню из-за леса начинают выплывать белые закругленные облака. Медленно ползут они по лазурному океану, чуть золотясь под солнцем. Но вот их все больше и больше. Доносится издали что-то напоминающее глухое ворчанье: это туча поднимается за лесом. Надо спешить собирать сено в копны. Легкий ветерок приятно раздувает рубашки, мы гребем, болтаем, смеемся...

Сколько раз во время таких прогулок мы попадали под дождь, который переживали в какой-нибудь чаще, наблюдая, как сумрак сразу охватывает всю местность, ели воют, раздается треск сухих ветвей и скрип деревьев. Лес становится тогда жутким. Что-то исключительно северное, даже первобытное, чувствуется в нем. Все это так увлекательно и интересно! А дивные осенние прогулки, даже самой поздней осенью, когда все листья уже облетели и мягким мокрым ковром лежат под ногами! Деревья стучат голыми ветвями, и унылая бесприютная луна мелькает меж ними, кочуя из облака в облако...

Как сейчас вспоминаю одну прогулку ранней осенью. Мы вышли на большую поляну, сплошь заросшую молодым осинником. Деревца были немного выше нашего роста. Листья на них были все желтые. Изредка возвышались одинокие высокие осины, одетые в пурпур. Вечерело. И вдруг сзади брызнули красно-золотые лучи закатного солнца, прорвавшегося сквозь серые облака, закрывавшие все небо. Мы пробирались среди трепетания золотых и алых листьев, вдыхая свежий и горьковатый осенний воздух. Чувствовалось что-то сказочное в этом позднем великолепии, и я помню, как сказал другу, что мы кажемся зачарованными странниками, ищущими чудес в волшебном лесу...

Я, к сожалению, не мог ходить на лыжах, и эти прогулки Валентин устраивал без меня. Но мы всё же бродили по окрестным лесам, выбирая тропинки. Приятно оказаться среди осеребренных инеем деревьев. Сквозь стволы видны небольшие поляны, покрытые пышным белым снегом, Изредка проглянет бледное солнце и тотчас же скроется – редкий гость нашей суровой зимы. Начнет падать мелкий снежок. Случайная ворона, каркая, пролетит куда-то. И тишина, безграничная тишина зимы, о которой так дивно писал Некрасов».

Война... Волков записывает в дневнике:

«28.7.43 г. До чего милая жизнь довела! Шел и огорчился – гибнут сады во всем Загорске. И от топора, ради дров и доступа солнца в огороды, и от

бомбоубежищ, которые понарыли везде, и они стоят, наполненные водой, грозя детям, а по ночам и взрослому человеку потоплением. И сами деревья сохнут без конца. Почва что ли изменилась, но от бывшего Посада, сплошь утопающего в кудрявых садах, и следа не осталось. Даже Красюковка, самый красивый “зеленый район”, и та порастеряла свои сады. Грустно и больно мне видеть, как оскудевает и разрушается мой родной город!»

И все же, все же в дневниковых записях военных лет встречаются и такие строки: «19.7.43 г. Когда ходил в монастырь (в Черниговский скит – Т.С.) обедать и возвращался, все глядел на облака. Как они хороши над зеленью загорских садов, из которых поднимается верх стройной колокольни! Издали весь город кажется утонувшим в садах...».

А вот запись о поездке в Москву:

«4.9.44 г. Какое множество утомленных и вконец истомленных людей! Очень редки веселые и жизнерадостные лица ... Все же больше глядел в окно, на пейзаж, на маленькие домики, окруженные садами, огородами. Почти нигде никаких цветов, всё картофель! Знамение времени!».

Конечно, большинство людей во время войны сажало возле домов картошку. И все-таки и в эти годы были те, для кого цветы, видимо, были необходимы, как хлеб. Волков писал: «25.6.43 г. Вчера заходил к Флоренским. Олю, сожалению не застал. Хорошо у них в саду. Получил букет – розы и пион».

Как бы ни была скудна и тяжела жизнь, для Волкова всегда оставалась природа и оставалась Лавра. Вот он идет поздней осенью по делам за несколько километров от города пешком: «...дорога, которая так утомляла при ежедневном хождении, теперь, в серый осенний день, показалась мне приятной. Поле и лес. Небо в тучах, покрытые рябью пруды под ветряными порывами. Деревья, безлистые и строгие, ели с их воющим тревожным шумом ... Всё пробудило снова глубокие мысли. В городе такие мысли не рождаются на ходу. Мельканье людей и экипажей рассеивает. Убогие дома и грязь, уродство и нищета на каждом шагу вызывают желание не глядеть, не

замечать, и невольно погружаешься в свои думы, стараясь скорее миновать это безобразное окружение, чтобы открылась глазам, наконец, милая, прекрасная Лавра. Каждый раз, как я ее вижу, со всех сторон, с самых различных точек наблюдения, при каждом новом освещении эта дивная единственная Лавра всегда прекрасна, всегда дает мне что-то новое, раскрывает свою насыщенную в веках душу, успокаивает, врачует издерганные нервы, радуется красотой, углубляет мысль и насыщает меня новым содержанием». (28.10.43 г.).

Борис Пастернак

Благоприятным было лето 1927 года для Бориса Пастернака, который провел его на даче в Мутовках – деревне, в семи километрах от станции Хотьково. Вернувшись в Москву, он писал: «Три с половиной месяца провел в прекрасной местности без видимой пользы». Действительно, он написал в то лето не так много стихов. В их числе «Ландыши», «Сирень» «Любка». Сам Пастернак назвал их «ботаническими». Овраг, над которым стоял дом, где жила семья Пастернака, был полон ландышей. Здесь, в этом овраге, поэт ощутил как-то необыкновенно ярко, что человек и природа существуют на равноправных началах: он смотрит на деревья, и они тоже смотрят на него. И ландыши смотрят:

*...Жары нещадная резня
Сюда не сунется с опушки.
И вот тыходишь в березняк,
Вы всматриваетесь друг в дружку.*

*Но ты уже предупрежден.
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан...*

А сиренью была полна вся деревня, и гудели пчелы – хозяйева, сдававшие дачникам жилье, держали улы:

*Положим, – гудение улья
И сад утопает в стряпне,
И спинки соломенных стульев,
И черные зерна слепней.*

*И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела:
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела.*

.....
*И тучи играют в горелки,
И слышится старшего речь,
Что надо сирени в тарелке
Путем отстояться и стечь.*

А в стихотворении «Любка» перечислено несколько растений. В одном из вариантов было сказано даже так:

И ночь распахивает свой гербарий...

Но потом поэт изменил это четверостишие:

*Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комары,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье...*

Родственница Пастернака А.Н. Вильям вспоминала, что бывало, – он с прогулки приносил ночную фиалку, всегда только один цветок – это ведь довольно редкое растение – и ставил потом в стакан с водой. Прошло 80 лет. И не видно теперь любок, да и ландышей поищешь. Только сирень еще осталась.

Легко заметить, что «ботанические», стихи полны приметами весны. А потом ... Уж очень была богата местность ягодами, грибами, орехами. В письме сестре Жозефине в Лондон поэт писал, как он собирал ягоды с маленьким сыном: «Жаркий летний полдень. Встали, как часто в последнее время, в седьмом часу. После чаю с Женичкой отправились в лес за соседнюю деревню. Он – на обрыве, место называется Маланьина гора. Сейчас пора покоса, ты догадываешься, чем дышит ветер. Мы пошли по

ягоды. Помнишь младенчество? Вызови его в памяти и ты вживе увидишь и Женичку с корзиночкой в руке и со страстью в глазах, тонущего на корточках в густой сочной траве, глушащей пни и кочки на этой полосе прошлогодней лесной порубки. А в ней не менее милые тебе крупные зернистые рубины изомлевшей от зрелости земляники. Мы были так поглощены сбором, что в двадцати шагах от тропки... прозевали Маргариту, точно ее не бывало, да и бесследно пропали для нее. Правда – холмист и густ этот ягодник, а густой березняк, в котором все это происходит, так ослеплен солнцем, что нет материи и краски, которая бы в этот час не показалась бы частью его горячей зелени. Ты его видишь? Он замер в упругой белизне берез и водянистых переливах молодой, словно отечной дубовой листвы, в этом, синевой облитом, бесподобном море. Мы идем босиком, ступая прямо на круглые теплые лапы греющихся на дорожке теней. Она вдруг круто заворотами сгущающейся зарослью, как сквозь ночь, бежит книзу, а там река. Ольха так низко свесилась к ней, что прямо с корней лежит на собственном отражении. Это лесное зеркало в полном ее обладании, под нее тут только нырнуть, но никак не подплыть.

Я могу работать и хочу, и полон надежд, но как исключителен режим, в котором это удастся. Тогда земляники вдвоем собирать нельзя...»

Письмо написано 13 июля. Потом, как вспоминала родственница поэта А.Н. Вильям, ходили в Артемовский лес за малиной, за грибами, собирали подосиновики, подберезовики, лисички, сыроежки. Но из всех грибов только сыроежки упомянул Пастернак в стихах того лета:

*Недолго приходится ждать.
Движенья нахмуренной выси, –
И дождь, затяжной, как нужда,
Вывешивает свой бисер.*

*Как к месту тогда по таким
Подушкам колеи непроезжих
Пятнистые пятаки
Лиловых, как лес, сыроежек!*

Борис Шергин

А в'идение сергиевской земли, как святой, ярче всего выражено у Бориса Шергина, много лет прожившего в Хотькове. Он писал: «В нашей русской природе есть некая великая простота... Серенькое русское небо, жухлого цвета деревянные деревнюшки, березки, осинки, елочки, поля, изгороди, проселочные в лужах дороги... Красками как будто бедна. Но богатство тонов несказанно. Жемчужина – на первый взгляд она схожа с горошиной. Но взглядишь в жемчужину: в ней и золото заката, и розы утренней зари, и лазурь полуденная. Не богаче, не краше ли перламутра тонкая пелена облаков над холмами Радонежа?

Что проще наших полевых цветочков: ромашка, иван-чай, лютик, незабудка, колокольчик, голубоглазый василек? Но не в голубизну ли василька, не в синь ли полевого колокольчика божественный Рублев одел пренебесное свое творение – икону “Святая Троица”?»

«Посети Радонежскую землю. Ты увидишь холмы то покрытые лесом, то пашнями. Узенькие реки отражают серебристо-облачное небо ... Если ты любишь Сергия, любишь святую Сергиеву Русь, мысленное око твое радостно увидит и Его: с деревянным ведерышком. Он подымается в гору, серебряные капли падают на сухую глину. Вот Он поднялся на взлобье холма, поставил тяжелое ведро на землю и глядит в долину: леса без конца, синяя даль сливается с небом. Сейчас он любит лесною прекрасною пустынею, что бескрайно простерлась у его ног...»